

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

ИЗ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА

*ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

1 9 3 1

ЛЕНИНГРАД

В настоящей статье собраны напечатанные мной впервые на страницах разных изданий стихотворные наброски Пушкина. Из моих публикаций я заключил сюда только те, которые могут иметь по тем или иным соображениям значение и в настоящее время. Затем мне казалось, что современному читателю интересно будет заглянуть в текстологические дебри, в которых бродят пушкинисты—издатели текстов.

Наброски под №№ 1—4 опубликованы мной впервые в газете «Русское Слово», 6 августа 1911 года, № 181; № 5—в журнале «Вестник Литературы», 1922 года, № 2—3. Тексты вновь сверены по рукописям и комментарии просмотрены и дополнены. № 7—эпиграмма на Б. М. Федорова — появляется впервые.

Со смерти Пушкина прошло девяносто три года, а мы до сих пор не имеем законченного издания сочинений нашего первого поэта, — издания, которое удовлетворяло бы требованиям научным и представляло бы действительно полное собрание его сочинений.

Не изучены до сих пор в полном объеме известные нам рукописи поэта, не исчерпаны до конца черновики появившихся в печати произведений, тающие немало новых стихов. А, ведь, каждый стих Пушкина, — даже одинокий, не связанный с другими, — необычайно значителен и ценен, ибо он написан Пушкиным. Не надо говорить уже о том, что и изучение вариантов и разночтений в рукописях Пушкина имеет особое значение для уяснения смысла и процесса художественного творчества.

Но в неизвестности остаются не только варианты и разночтения к напечатанным уже произведениям поэта, но и целые стихотворения, и отдельные наброски, свидетельствующие об особых, неведомых для нас замыслах Пушкина.

Не мало поэтических и прозаических текстов Пушкина, не бывших в печати, находилось в собрании А. Ф. Онегина. Это собрание в 1909 году было приобретено Академией Наук и только

в 1922 году было, наконец, издано трудами Пушкинского Дома. Но до сих пор остается неизданной в полном виде так называемая Майковская коллекция. Происхождение ее таково. Редактируя сочинения Пушкина, П. В. Анненков получил от вдовы Пушкина, Н. Н. Ланской в пользование рукописи поэта. Надо сказать попросту, что ни один из редакторов, которым предоставлялись для издания пушкинские автографы, не мог, буквально не имея силы оторваться от бесценных рукописей, и, возвращая их, оставляя частицу в своем владении, присваивал. Особенно много рукописей присвоил Анненков; не мало П. И. Бартенев. Анненковские «приобретения» тоже разошлись по рукам, попали, между прочим, и академику Л. Н. Майкову. Майков, редактируя академическое издание, также усвоил себе часть рукописей и стал считать их своей собственностью в такой мере, что счел возможным частицу уделить великому князю Константину Константиновичу, а последний на правах владельца преподнес несколько автографов своему родственнику Николаю П. После смерти Майкова, вдова его пожертвовала усвоенные Майковым рукописи Пушкина в Академию Наук с весьма курьезным условием: рукописи должны были быть закрыты для общего пользования и могли увидеть свет только на страницах академического издания сочинений Пушкина. Академия Наук долго охраняла нелепую и лишнюю всяких оснований волю жертвователя, и только после революции запрет был снят для исследователей, но и по сие время полностью майковское собрание не издано. А академическое издание сочинений Пушкина, задуманное Академией в 1887 г., остановилось на четырех томах поэзии, томе «Истории Пугачевского бунта» и томе критической прозы.

Но не только в таких недоступных собраниях, какими являлись онегинская и майковская коллекции, находятся не бывшие в печати новые стихи и новые наброски. Как это ни удивительно, но не издавшие печати, не известные и неразобранные исследователями наброски и стихотворения можно находить и открывать в богатейшем собрании рукописей Пушкина, хранящихся в б. Румянцовском музее (ныне Всесоюзная Библиотека им. В. И. Ленина). В 1881 году эти рукописи были пожертвованы в общее пользование.

Сын Пушкина, Александр Александрович, поручил передачу рукописей отца в Румянцовский Музей П. И. Бартеневу. Он передал их, но к рукам его прилипло не мало автографов. Положение было такое, что ему пришлось «умалчивать» о факте нахождения у него пушкинских рукописей. В силу доверия, в которое вошел у Бартенева В. Я. Брюсов, последний также стал обладателем кое-каких автографов.

В 1884 году в «Русской Старине» появилось подробное описание пушкинских рукописей, поступивших в Румянцовский Музей, составленное В. Е. Якушкиным и являющееся одной

из капитальных работ в области пушкинского текста. С тех пор не было ни одного серьезного редактора сочинений Пушкина, который бы не прибегал к пушкинским материалам Румянцовского музея: и П. А. Ефремов, и П. О. Морозов, и Л. Н. Майков, и С. А. Венгеров изучали для своих изданий эти рукописи. И все же изучение этих специалистов и знатоков не оказалось исчерпывающим: от их взоров ускользнули не только многочисленные варианты и самостоятельные наброски, но и целые стихотворения. Объясняется это обстоятельство тем, что все названные издатели не изучали рукописного текста от строки к строке, от страницы к странице, а обращались к рукописному тексту всякий раз ad hoc—для того или иного произведения поэта—пользуясь описанием В. Е. Якушкина. Но конечно труд В. Е. Якушкина, весьма замечательный и ценный, и до сих пор ничем не замененный, не мог быть свободен от недостатков и пропусков; немудрено, конечно, что первый исследователь и описатель пушкинских черновых тетрадей, который должен был прочитывать и пробегать сотни страниц исчерканных и трудно читаемых черновых тетрадей поэта, мог пропустить в описании страницы и листы, мог не разглядеть на странице с перечерканным черновиком известного стихотворения набросков и стихов, имеющих самостоятельное значение. Но пропуски В. Е. Якушкина вводили эти новые стихи с поля зрения остальных исследователей, опиравшихся в своей работе на сделанное им описание. Для того чтобы восстановить эти пропуски и спасти от неизвестности новые стихи, необходимо пристальное и последовательное изучение тетрадей Пушкина, слово за словом. Такое изучение действительно может повести к открытиям в области пушкинского текста.

В 1911 году при систематическом изучении трех тетрадей Пушкина из числа хранящихся в Румянцовском Музее (№№ 2364, 2370 и 2371) мне посчастливилось открыть несколько новых поэтических набросков Пушкина. Эти «новые стихотворения А. С. Пушкина» были напечатаны мной в «Русском Слове» 6 августа 1911, № 181, а в приложении к этой газете—«Искрах» (1911 № 30) были даны факсимиле.

Самое любопытное открытие было сделано мной в черновой тетради поэта, хранящейся в Румянцовском музее под № 2371. В. Е. Якушкин, описывая по листам эту тетрадь, упустил из внимания 71-й лист и не упомянул о нем в своем описании («Русская Старина» 1884 г., июль, стр. 48). И вот эта страница пропала для исследователей и издателей; все они пользовались этой тетрадью по разным поводам, и никто до сих пор не доглядел этого 71-го листа, а на нем помещено довольно большое стихотворение Пушкина, весьма любопытное и богатое прекрасными стихами. Но и в других тетрадях нашлось немало пропущенных исследователями стихов. Особенно инте-

ресной оказалась в этом отношении тетрадь за № 2370: из нее я сообщил три самостоятельных наброска. Наконец, несколько новых стихов я воспроизвел и из тетради № 2369.

Печатая в «Русском Слове» открытые мной стихи Пушкина, я желал обратить на них внимание специалистов и привлечь их ко всестороннему обследованию и изучению новых набросков. Мои ожидания не оправдались и специальных изучений эти наброски не вызвали. Из двух изданий сочинений Пушкина, вышедших до революции, которые могли ввести в текст открытые мной наброски, воспользовалось ими только одно—академическое. Редактор академического издания, руководствуясь хронологическими соображениями, включил в Собрание пока три из пяти набросков—из тетради № 2370:—«Заступники кнута и плети» (т. IV, стр. 295), «Тебя зову! Морей красавец» (т. III, стр. 482) и «Тебя любить! Холодную луну» (т. III, стр. 487). Два отрывка пока не дождалось включения в академическое издание. Нельзя не подивиться тому, что ни один из открытых мной отрывков не удостоился воспроизведения на страницах полного собрания сочинений Пушкина, выпущенного изд-вом Брокгауз-Ефрон под редакцией С. А. Венгерова. В VI томе этого издания есть специальная статья Н. О. Лернера «Новые приобретения пушкинского текста». Автор этой статьи тщательно воспроизводит в своей статье даже мнимо пушкинские произведения, но не дает места таким подлинным стихам, как открытые мной.¹

Только В. Я. Брюсов включил все опубликованные мной отрывки в вышедший под его редакцией первый том сочинений Пушкина, выпущенный Госиздатом в 1920 году. Но и после этого издания самый большой и значительный текст остается почти неизвестным широким читательским кругам. Я говорю о наброске «В прохладе сладостных фонтанов».

I

Это стихотворение занимает весь забытый в описании В. Е. Якушкина 71-й лист тетради за № 2371. На предшествующих листах находится черновик «Посвящения» к «Полтаве», который воспроизведен в моих «Разысканиях» (см. выше стр. 249), а на оборотной стороне листа 70-го, т. е. как раз против неизвестного стихотворения, находится выпись английских стихов из «Мазепы» Байрона. Вслед же за стихотворением с оборота 71-го листа продолжают наброски к последним

---

¹ К величайшему моему изумлению, моя публикация вызвала даже нападки на меня со стороны неизвестного пушкиниста, обозначившего себя инициалами «Л» в «Русском Библиофиле» (1911 г., сентябрь, № 5, стр. 95). Этот «Л» дошел до такого дна, что высказал мнение о справедливой необходимости игнорирования неизвестных стихов Пушкина. Пристрастную необоснованность этих нападок отметил В. Я. Брюсов в «Русской Мысли» 1912, кн. III в его «Новости пушкинской литературы».

строфам седьмой главы «Онегина», прерванные на оборотной стороне листа 69-го. И «Полтава», и конец седьмой главы писались в 1828 году; если бы Пушкин пользовался своими тетрадами в хронологическом порядке, то и неизвестное стихотворение можно было бы отнести к этому же году, но вполне достоверным такое приурочение не может быть.

Стихотворение окончательно не отделано, но если для нас исчезли некоторые слова и стихи, все же можно говорить о целом характере стихотворения. Текст поддается разбору с величайшим трудом, и читателю самому представляется возможность по факсимиле поработать над разбором рукописи с установкой текста. Кроме меня, кажется, только В. Я. Брюсов изучал подлинный автограф. Прочитанный им текст напечатан, чтение Брюсова кажется мне не совсем правильным так же, как и мое собственное чтение в 1911 году. После нового обращения к факсимиле, считаю приемлемым такое чтение.

1. Въ прохладѣ сладостной фонтановъ
И стѣнь обрызганныхъ кругомъ
Поэтъ бывало тѣшилъ хановъ
Стиховъ гремучимъ жемчугомъ, —
3. На пирѣ празднаго веселья
Низалъ онъ хитрою рукой
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости златой —
9. Любили Крымъ птенцы Саади
Порой восточный краснойбай
Здѣсь развивалъ свои тетради
И удивлялъ Бахчисарай
13. Его рассказы разстилались
Какъ эриванскіе ковры
И ими ярко украшались
Гиреевъ ханскіе пиры
17. Но ни одинъ волшебникъ милой
Владѣтель умственныхъ даровъ
Не вымышлялъ съ такою силой
Такъ хитро сказокъ и стиховъ
21. Какъ прозорливый и крылатый
Поэтъ той чудной стороны —
Гдѣ мужи грозны и косматы
А жены гуріямъ равны.

Необходимы некоторые пояснения к этому тексту.

Стихи 2—4, 7, 8, 10, 14, 17, 19—20, 22—24 не допускают иного чтения.

Стих 1. Пушкин написал сначала «в прохладе», зачеркнул и заменил словами «при шуме»; эти слова он тоже зачеркнул, но потом восстановил, подчеркнув их, а затем написал рядом новую их редакцию, оставшуюся незачеркнутой и плохо разбираемую. Кажется, можно читать опять «в прохладе». Никак не

могу считать правильным чтение М. А. Цявловского в новейшем издании сочинений Пушкина.¹ Читая «при шуме», он вынужден поставить совершенно отсутствующее в рукописи слово «меж». А зачем это?

Стих 5. «На пире легкого» зачеркнуто, но затем слова «на пире» восстановлены, а вместо «легкого» написан новый эпитет, не поддающийся разбору. Следует читать «праздного». Не вижу никаких оснований для искусственного чтения М. А. Цявловского «на нити праздного веселья». На нити веселья никакое ожерелье не вяжется.

Стих 6. Конед стиха, написанный явственно, решительно не разбираем: несмотря на все усилия, я не мог прочесть этих слов или этого слова, рифмующегося со «златой». Предлагаемое чтение «хитрою рукой» подсказывается не столько внешним видом этих слов, сколько смыслом и присутствием подходящих к нему слов в зачеркнутых вариантах. В. Я. Брюсов оставляет в своей транскрипции мое чтение.

Стих 9. Все слова в рукописи имеются, но не зачеркнуты только два слова «Крым» и «Саади». В. Я. Брюсов читает «Недаром Крым любил Саади», но слово «недаром» никак не вычитать в автографе, нет ничего даже подходящего. М. А. Цявловский считает возможным обойтись такой транскрипцией этого стиха «Крым любил» [Саади]. Это мало утешительная транскрипция сообщает новый биографический факт о Саади—посещение им Крыма.

Стих 11. «Свои»—в рукописи зачеркнуто.

Стих 12. Чтение «Бахчисарай» единственно возможное, но в рукописи второй половины этого слова разобрать нельзя.

Стихи 13—18 потребовали от Пушкина продолжительной работы целого ряда зачеркиваний; не удовлетворившись частичными поправками, Пушкин зачеркивает все, относящееся к этим стихам.

Стихи 13—14 прочитаны приблизительно. Повидимому, сначала было написано: «Его рассказам»; затем конед второго слова зачеркнут и сверху поставлено «ы».

Стих 14. Первоначально: «как цареградские», затем: «как наши пестрые».

Стих 15. Пробел, оставленный в стихе, Пушкин заполнил над строкой двумя вариантами, но потом зачеркнул их. Ни зачеркнутые варианты, ни оставшееся незачеркнутым слово над ними не могли быть разобраны. Не зачеркнуто «ярко».

Стих 16. «Ханские» зачеркнуто и заменено «тихие», но и это чтение два раза зачеркнуто.

Стих 17. Вместо «волшебник» первоначально было «обманщик», «рассказчик». «Милой»—зачеркнуто.

---

¹ Изд. Госиздата при «Красной Ниве», 1930, кн. 3, стр. 175-176.

Стих 18. Первоначально «Небесных сеятель даров». Мое чтение оправдывается рукописью, но брюсовское «Беспечной сеятель даров» оправдания не находит. Ничего похожего на «беспечной» нет.

Стих 21. Я беру чтение Брюсова, но совсем не уверен в его правильности. Стих складывался так: «Как ты сын

богатый». «Сын» зачеркнуто два раза; за «сын» следовало в первом случае первая буква какого-то слова, во втором две буквы, в роде «та»: все зачеркнуто. За зачеркнутым «богатый» написано и зачеркнуто «крылатый». Слово «прозорливый» вычитано Брюсовым строчкой выше и соединено с «крылатый» произвольно.

Стих 22. Брюсов читает «девы», но первоначально было «жены»; потом зачеркнуто и заменено «девы» и, наконец, «девы» зачеркнуто и опять «жены».

Публикуя впервые это стихотворение в 1911 году, я писал: это стихотворение, конечно, вызовет со стороны исследователей целый ряд попыток выяснить его происхождение, объяснить его смысл и связи с другими произведениями Пушкина. Можно было бы высказать предположение, что оно написано не в 1828 году как это кажется по положению его в тетради, а в 1829 году и имеет отношение к совершенному Пушкиным в этом году путешествием на Кавказ. Но такое предположение все же мало разъясняет дело.

Прошло 17 лет со времени первой публикации, и ни один пушкинист не обмолвился ни одним словом по поводу этого стихотворения, в основе которого лежит обращение к реальному лицу, поэту той страны, «где мужи грозны и косматы, девы гуриям равны».

II

На листах 59 об. — 64, тетради № 2370 находятся сильно исчерканные черновые наброски к «Андрею Шенье в темнице». Стихотворение это написано в начале 1825 года. До сих пор недостаточно оценено все значение его для истории развития политического миросозерцания поэта. Образ Шенье был близок душе Пушкина: личная история французского поэта сливалась в воображении поэта с его собственной историей. В стихотворение Пушкин вложил свои сокровенные мысли и свои переживания. Не только о Шенье хотел говорить Пушкин, но и о современных ему. Недаром Пушкин в июле 1825 года спрашивал в письме у князя П. А. Вяземского: «Читал ты моего А. Шенье в темнице? Суди о нем как езуит — по намерению».

Черновики этой пьесы совершенно не привлекли внимания исследователей, а поэтому от них ускользнули и находящиеся среди них стихи, не относящиеся к «Андрею Шенье»,

На листе 62 об. и 63 идут наброски той части стихотворения, которая читается в печатной редакции так.

В предсмертном монологе у Пушкина Шенье обращается к самому себе:

Ты, слово, звук пустой...

О, нет!

Умолкни, ропот малодушный!

Гордись и радуйся, поэт:

Ты не поник главой послушной

Перед позором наших лет,

Ты презрел мощного злодея,

Твой светоч, грозно пламенея,

Жестоким блеском озарил

Совет правителей бесславных.

Твой бич достигнул их, казнил

Сих палачей самодержавных;

Твой стих свистал по их главам;

Ты звал на них, ты славил Немезиду;

Ты цел Маратовым жрецам

Кинжал и деву — Эвмениду!

Когда святой старик от плахи отрывал

Венчанную главу рукой одепенелой, —

Ты смело им обоим руку дал,

И перед вами трепетал

Ареопак остервенелый.

Гордись, гордись, певец. А ты, свирепый зверь,

Моей главой цурай теперь:

Она в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный:

Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!

Пей нашу кровь, живи, губя:

Ты все пигмеем, пигмеем ничтожный

И час придет... И он уж недалек:

Падешь, тиран!

Не передавая черновой, не можем все-таки, не отметить следующих выразительных, зачеркнутых в черновике определений:

Тебя губитель роковой

Тебя пигмеем самодержавный

Завистник гения.

Вслед за этими стихами тем же приемом пера, теми же чернилами набросаны стихи, которые нельзя считать вариантом к «Андрею Шенье»: они лишь выросли из настроения, владевшего поэтом во время работы над этим стихотворением и ярко очерченного в приведенной цитате. В «Андрее Шенье» он говорил иносказательно о себе и своем времени; но здесь, на самом конце листа, поэт отбросил иносказания и дал волю негодованию, душившему его. Перед ним была уж не французская обстановка, а русская действительность.

Эти новые для нас стихи важны, как свидетельство о существовании особого творческого замысла, нам неизвестного. Цельного стихотворения не получилось, но и отдельные стихи

замечательны по необычайной силе выражения и глубине сатирической проны. Сатирический бич, поистине, настигает современников поэта.

Но восстановить стихи в полном объеме нет возможности: слишком много зачеркнутого и слишком много незачеркнутого, писанного пушкинской скорописью. Вот что можно разобрать:

1. Заступники кнута и плети.
.....
2. За васъ молю я Бога буду
3. И никогда не позабуду,
4. Когда дѣлу позовутъ.
5. За ваше здравіе и славу
6. Влетитъ мой первый кнутъ

В стихе 4-м оставленный в строке пробел заполнен верху строки словами, неразбираемыми.

Под зачеркнутыми словами разбирается и первоначальная редакция. Привожу и ее. По поводу этого текста необходимо сказать, что в предпоследнем стихе первоначально было «о вашем»; затем выправлено «за ваше». Слово «кривлянье» прочитано приблизительно.

Заступники кнута и плети
О благодѣтели мои
жена моя и дѣти
Вамъ благодарны
Не позабудемъ никогда
За ваше свѣтское кривлянье
Ударъ послѣдняго кнута.

Даже при поверхностном ознакомлении с рукописью (см. факсимиле) ясно, что больше ничего не выжмешь из этого черновика. Самостоятельного стихотворения из него не сделаешь. Но поучительна судьба транскрипции этого наброска. П. О. Морозов ввел черновик в примечания под 1825 годом в следующей транскрипции:

Заступники кнута и плети
(Щастливый)
(О благодетели мои)
(Семья и) (жена моя и)
(за) Все наши женщ и дети
(Вам благодарны) навсегда
(Благодарят) вас
Не позабудем никогда
(За) (О вашем светлом прзб.)
(Вам заключенные)
Ударъ послѣдняго кнута

Рядом с приведенными стихами в виде второго столбца, написано еще:

2. ^{to accept} ~~...~~ ^{...}
 3. ^{...} ~~...~~ ^{...}
 4. ^{...} ~~...~~ ^{...}
 5. ^{...} ~~...~~ ^{...}
 6. ^{...} ~~...~~ ^{...}
 7. ^{...} ~~...~~ ^{...}

8. ^{...} ~~...~~ ^{...}
 9. ^{...} ~~...~~ ^{...}
 10. ^{...} ~~...~~ ^{...}

11. ^{...} ~~...~~ ^{...}
 12. ^{...} ~~...~~ ^{...}
 13. ^{...} ~~...~~ ^{...}
 14. ^{...} ~~...~~ ^{...}
 15. ^{...} ~~...~~ ^{...}
 16. ^{...} ~~...~~ ^{...}
 17. ^{...} ~~...~~ ^{...}

18. ^{...} ~~...~~ ^{...}
 19. ^{...} ~~...~~ ^{...}
 20. ^{...} ~~...~~ ^{...}
 21. ^{...} ~~...~~ ^{...}
 22. ^{...} ~~...~~ ^{...}

1848
 1849
 1850
 1851
 1852
 1853
 1854
 1855
 1856
 1857
 1858
 1859
 1860
 1861
 1862
 1863
 1864
 1865
 1866
 1867
 1868
 1869
 1870
 1871
 1872
 1873
 1874
 1875
 1876
 1877
 1878
 1879
 1880
 1881
 1882
 1883
 1884
 1885
 1886
 1887
 1888
 1889
 1890
 1891
 1892
 1893
 1894
 1895
 1896
 1897
 1898
 1899
 1900

За вас молить я бога буду
 (О) И¹ никогда¹ не позабуду
           ак   расправы
 К (огда) (для) делу позовут
 Меня на   расправу
 За ваше¹ здравие¹ и¹ славу
 (Взлетит) (первый кнут)
                   мой первый

Можно спорить, правильно ли прочитаны отдельные слова, но должно признать, что Морозов отнесся к делу добросовестно и беспристрастно. Но вот Брюсова тенденциозное стремление революционизировать Пушкина завело очень далеко. Брюсов предлагает следующее чтение:

Заступники кнута и плети
 О благодетели мои!
 Все наши женщины и дети
 (Семья, жена моя и дети)
 Вам благодарны навсегда
 Благодарить вас . . . . .
 Не позабудем никогда
 . . . . .
 За вас молить я бога буду
 И никогда не позабуду,
 Когда для дела позовут
 Меня на царскую расправу.
 За ваше здравие и славу
 Влетит дарю мой первый кнут!

Категорически можно утверждать, что царь тут не причем: ни слова «царскую», ни слова «царю» в рукописи нет. Предлагаем читателю проверить это утверждение по воспроизведению.

III

Описывая оборот 7-го листа в тетради № 2370, В. Е. Якушкин перечисляет содержание листа так: «XXXII строфа третьей главы «Онегина»; между прочим, есть стих: «Татьяна, сидя на постели». Потом неразборчивая черновая какого-то стихотворения: обращение к морю и к ветрам по поводу ее отъезда. Еще рисунки лица». («Русск. Стар.» 1884 г., июль, стр. 3-я).

На эту неразборчивую черновую, вслед за В. Е. Якушкиным, не обратили внимания и остальные исследователи, а она весьма любопытна, ибо во-первых, мы имеем тут дело не с вариантами к известным пьесам, а с самостоятельным замыслом, а во-вторых этот неотделанный набросок имеет несомненно биографическое значение и связан с неизвестными нам действительными обстоятельствами в жизни поэта.

Уезжает морем кто-то дорогой поэту, уезжает «она». Нежными стихами поэт призывает благословение на ее путешествие.

¹ Зачеркнуто и восстановлено.

Надо добавить, что, если судить по чернилам и почерку, стихи эти, написанные на нижней половине страницы, появились тут в одно приблизительно время со стихами из «Евгения Онегина», занимающими тут верх страницы, т. е. в 1824 году.

Морей (красавецъ)
Тебя зову — плыви плыви
И сохрани залогъ бездѣвный
Мольбамъ, надеждамъ и любви
5. Ты вѣтръ ускореннымъ дыханьемъ
Щастливый парусъ напругай,
Но колыханьемъ
Ея груди не утомляй

Перед первым стихом находится незачеркнутое и подчеркнутое слово (а, может быть, и два), которое, повидимому, является заглавием; к сожалению, разобрать его не было возможности.

Стих 1. Слово «красавецъ» зачеркнуто, но заменяющее его и незачеркнутое слово не поддается разбору. Морозов и Брюсов слово над первым стихом прочли, как «наперсник», а неразобранное мной слово в первом стихе «окрыленный». Получился складный стих.

Морей наперсник окрыленный

Но для меня такое чтение остается сомнительным: уже наперсник никак не прочесть.

Стих 5 первоначально имел такую редакцию:

Да не теснит ее дыханья.

Этот стих зачеркнут и над ним читается:

Дыханием   Эол

А стих 6 строился первоначально так:

Эол дыханьемъ благостнымъ
Надуй
Наполни верное ветрило

Остались незачеркнутыми в этой редакции только слова дыханием, Эол, надуй.

В стихе 5 один из зачеркнутых эпитетов к слову дыханием — «западным».

Стих 7. Слово, определяющее «колыханьемъ», зачеркнуто и разбору не поддается. Никак нельзя согласиться с Брюсовым, читающим «нечестивым».

IV

В той же тетради № 2370, на обороте листа 68-го, находится, по словам описания В. Е. Якушкина («Русск. Стар.»),

1884, июль, стр. 33) «вся исчерканная черновая какого-то стихотворения о луне и заре». Этой черновой тоже никто не пытался разбирать и вводить в текст сочинений Пушкина. Тема наброска: аналогия двух моментов — встречи луны с зарей и встречи мужчины с женщиной. Изображение встречи луны с зарей потребовало от Пушкина большого напряжения, как об этом можно судить по виду рукописи. Особенно не давался поэту приступ; несколько раз он начинает и зачеркивает.

И привожу не все, а только некоторые из зачеркнутых чтений исключительно в целях уяснения смысла всего наброска.

Тебя любить!
Холодную луну
Видали ль вы
На небѣ ясномъ
Предъ утромъ

Когда по утра
Видали вы закатъ луны
Намъ небесахъ печальная луна
Встрѣчается съ веселою зарею
Одна горить, другая холодна

Повидимому, должны были, в конце-концов, остаться стихи:

На небесахъ печальная луна
Встрѣчается съ веселою (зарею).

А затем Пушкин набрасывает и зачеркивает

Заря горить, луна блѣдна

Незачеркнутыми остаются стихи:

Одна горить, другая холодна.
Заря блеститъ [?] невѣстой молодой
Луна грядетъ [?] какъ мертвая, блѣдна
Такъ встрѣтился, Эльвина, я съ тобой

В последнем стихе слово «Эльвина» читается только по догадке. Кажется, что во 2-м стихе нужно читать именно «блестит», а в 3-м — «грядет». Впрочем, настаивать на этих чтениях не следует.

Предположительное цельное чтение:

На небесахъ печальная луна
Встречается с веселою зарею
Одна горит, другая холодна
Заря блестит невестой молодою
Луна грядет, как мертвая, бледна
Так встретился, Эльвина, я с тобою.

Брюсов принимает такое же чтение.

V

Во вступлении к «Медному Всаднику» Пушкин перебирает все приманчивые особенности Петрограда, которые так любы

поэту: белые ночи, бег санок вдоль Невы широкой, парады на Марсовом поле, наконец, канонада с верков Петропавловской крепости в ознаменование торжественных событий.

Люблю, военная столица,
Гвоей твердыни дым и гром,
Когда полношная парца
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет
И, чуя вешни дни, ликует.

В окончательной редакции поэт опустил упоминание еще об одном примечательном и обычном петербургском событии, в его честь также раздавались пушечные выстрелы со стен крепости. В отделанной редакции «Медного Всадника», сохранившейся в черновой пушкинской тетради № 2375 (б. Румянц. Музей), последние три стиха приведенного отрывка окончательной редакции читались первоначально так:

Или крестит средь Невских вод
Меньшого брата русский флот
Или Нева весну ширует
И к морю мчит разбитый лед.

Картина спуска корабля тронула поэтического воображение Пушкина, и он пробовал ее разработать. В черновой пушкинской тетради № 2374 (б. Румянц. Музей) находятся среди других и черновые наброски к «Медному Всаднику», отразившие творческую работу поэта в ее первой, начальной стадии и далеко еще не изученные. Здесь на листах 7 об., 8, 8 об., 9, 9 об., 10 читаются наброски к вступлению «Медного Всадника». В непосредственной связи с ними находятся на л. 10 и ускользавшие до сих пор от внимания исследователей стихи Пушкина, посвященные теме — спуску корабля. Вот их точная транскрипция. — Зачеркнутые поэтом слова посланы в прямых скобках; точно под строкой поставлены им же и означают восстановление зачеркнутых слов

Чу пушки гранули — [привѣтствуетъ] кораблей
[крылатая станица]
[его привѣтствуетъ]
[Покрылась облакомъ] крылатая станица
[съ неразб.] корабль вѣждалъ въ Неву Неразб.
[Корабль] [сбѣждалъ сбѣжагъ] корабль — средь зыбей
Качаясь, плаваетъ какъ птица —
=
ликуеть русский
[Его привѣтствуетъ] флотъ
[Такъ]

В собрании А. Ф. Онегина в Пушкинском Доме имеется пол-листика почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками:

3) «В Элизии Василий Тредьяковский» — напечатано впервые в альманахе «Подснежник» на 1829 год. Есть разночтения, которые приводим в виду отсутствия автографа.

- Ст. 4 Ему помочь усердно рад Поповский
5 Свои стихи Захаров обещал
7 в копии Л. С. Пушкина отсутствует
9 Благословен, свой преполозный труд

4) «У Клариссы денег мало». Напечатано в издании 1826 г.; есть одно ничтожное разночтение (вместо печатного иди рукописное иди ж).

5) «Как брань тебе не надоела». Напечатано в издании 1826 года; разночтений нет. Есть подпись «Пуш.».¹

6) За такой же подписью «Пуш» идет неизвестная, еще не бывшая в печати эпиграмма

Пожалуй, Федоровъ, ко мнѣ не приходи;
Не усыплай меня — иль послѣ не буди.

В виду авторитетности переписчика Л. С. Пушкина вряд ли приходится сомневаться в принадлежности Пушкину этой безделки.

Борис Михайлович Федоров — весьма посредственный литератор-поэт, прозаик и издатель. Сохранился его дневник за 1827—1828 гг., в котором отмечен целый ряд его встреч с Пушкиным.² К этому времени, очевидно, надо относить и эту эпиграмму.

¹ На 4-й страничке листка помещены две эпиграммы за подписью «Пуш» и одна за подписью «Барат».

² «Русский Библиофил» 1911 г. № 5, сентябрь, стр. 31 — 35.